

Глава VI. Лучшие годы жизни. (1919-1921)

*Возлюбленный мой! дай мне руки -
Я по иному не привык, –
Хочу омыть их в час разлуки
Я желтой пеной головы.*

1. Поэзия и жена – понятия несовместимые

Есенин получил в среде имажинистов некоторое успокоение от мучившей его базальной тревожности. Даже семья не влекла его, хотя часто вспоминал он Зинаиду Райх, которая жила в Орле, воспитывала дочь, занималась канцелярской работой. Сергей постоянно интересуется своей второй женой, спрашивает у друзей, как она? Ведь его жизнь в Москве почти весь 1919 год была нелегкой и бездомной. Говоря о Зинаиде Райх в своей автобиографии 1924 года, Есенин писал: "1918 году я с ней расстался, а после этого началась моя скитальческая жизнь, как и всех россиян за период 1918—1921 гг.» Для характеристики того смутного времени лучше не скажешь. А для самого Есенина "скитальческая жизнь" означала отсутствие жилья, а часто и ночлега, а то и вовсе полуголодное существование. У Сергея никогда не было своей комнаты, многие из его современников могли похвастаться: «Есенин в это время жил у меня».

"Он искал пристанища, - писала Софья Виноградская, - искал уюта, тепла. Но ничего этого у него не было. Он был беспомощен, как двухлетний ребенок; не мог создать нужной для себя обстановки, устроить просто, по-человечески свою жизнь". Часто Сергей не знал, где проведет ночь, оставался там, где оказывался вечером, благо, его многие любили. После открытия книжной лавки и кафе имажинистов «Стойло Пегаса» Есенин часто проводил ночи здесь, да и вся работа его, в основном, была ночной — дежурства, дискуссии, выступления с чтением стихов. С Зинаидой в 1918 году они разъехались по разным городам, но семья пока еще сохранялась. Может Есенин и наезжал в Орел, проведать дочку, но прежнего отношения с женой уже не было.

После почти годовой разлуки, Зинаида Райх приехала в Москву. На время, повидать мужа. Видимо она не раз заезжала в столицу, и одна, и с дочкой, все-таки

была на постоянной работе в Орле. Приезжала к мужу на его временные квартиры, к чужим людям. Есенину были нужны эти кратковременные встречи, хотя о постоянной семейной жизни он и слышать не хотел. В коротких письмах писал: «Зина! я послал тебе вчера 2000 рублей. Как получишь, приезжай в Москву» (18 июня 1919 года).

С 15 ноября Зинаида Райх перебирается в Москву на постоянное жительство в связи с эвакуацией Орла, занятого деникинскими войсками. Устраивается работать консультантом по искусству в Наркомпрос. А.В. Гольцова в своей книге о Зинаиде Райх приводит одну сцену из жизни супругов в эту осень. "У Есениных и в это время была семья. Время было архитрудное, но Зинаида решила родить второго ребенка. Зинаида Петровна Викторова рассказывала мне, как она стала свидетельницей семейной сцены. Обе Зинаиды были очень близки между собой (мать Зинаиды Николаевны и отец Зинаиды Петровны — родные брат и сестра), в Москве они часто встречались. Зинаида Петровна была моложе, очень добрая и бесконечно любящая свою незаурядную сестру...

Однажды, рассказывала Зинаида Петровна, пришла она к Есениным, а они ссорятся. Зинаида, как всегда, когда волновалась, ходила по комнате. А Сергей вдруг обратился к Зинаиде Петровне со словами: «Вот Зина хочет родить ребенка, у нас же есть Танечка, зачем нам сейчас другой ребенок, скажи ей ты, если она меня не слушает». Однако сын Константин родился у Есениных 20 марта 1920 года. Сделав простые вычисления, можно понять, что если и был такой разговор между Есениным и Райх, то он никак не мог состояться осенью 1919 года. Зачатие "Костика" произошло, скорее всего, в мае, в один из приездов Райх в Москву, и когда Сергей подарил ей сборник стихов "Преображение" с надписью «Милой Зиной от Сергуньки. Май 19.1919. В кафе поэт». А может Есенин был тут и не причем? Многие друзья его, когда Сергей показывал им фотокарточки своих детей, говорили: «Да твой ли сын-то? Родился, когда у вас с женой пошло па разрыв». Сергей иногда отшучивался, а иногда горячо заявлял:

— А вот знаю, что мой! Знаю! Чувствую нутром!

Мариенгоф старался разрушить близость Есенина и Райх. Он, по словам Татьяны Сергеевны, дочери Есенина, "с помощью какой-то выдумки спровоцировал ужасающую сцену ревности. До родов оставался месяц с днями, мать прожила их у кого-то из знакомых. Вернуться к своим родителям она не могла, военные действия в районе Орла продолжались". Когда Костя родился, Есенин даже не поехал в Дом

матери и ребенка смотреть на сына. А после родов гордая Зинаида так и не вернулась к мужу. Понятна становится и ревность Есенина к Райх, может обоснованная, и поведение его в тот момент, когда Мариенгоф случайно встретился на платформе ростовского вокзала с Зинаидой Райх, едущей с новорожденным сыном в Кисловодск.

Он не захотел встретиться с женой, рассказывал Анатолий, и Зинаида Николаевна попросила Мариенгофа упросить мужа заглянуть к ней в вагон, чтобы посмотреть на сына, которого Сергей так и не видел с момента после рождения. Сначала Есенин упрявился, а когда вошел в купе, сдвинул брови.

— Фу... Черный... Есенины черные не бывают...

Может по этой причине встречи Сергея и Зинаиды все чаще оканчивались выяснением отношений.

Вы помните,
Вы все, конечно, помните,
Как я стоял,
Приблизившись к стене,
Взволнованно ходили вы по комнате
И что-то резкое
В лицо бросали мне.

Вы говорили:
Нам пора расстаться,
Что вас измучила
Моя шальная жизнь,
Что вам пора за дело приниматься,
А мой удел -
Катиться дальше, вниз.

Семья почти не существовала. Есенин не хотел терять свободы. Они еще изредка встречались, но прежнего чувства не было и в помине. «Однажды Сергей, пишет А.В. Гольцова, – бросил Зинаиде оскорбительное, нецензурное слово, а она, в пылу гнева, вернула это слово ему. Схватившись за голову, он простонал: «Зиночка, моя тургеневская девушка! Что же я с тобой сделал!»»

Обиды наслаивались одна на другую. Да еще Мариенгоф, ненавидевший Райх, не пускал своего друга к жене. И друзья его, "мужиковствующие" поэты - Клюев, Клычков и Ганин, задирали Сергея словами, что, как это он, знаменитый русский поэт, женат на инородке. Вадим Шершеневич писал: «Райх была при Есенине забитая, бесцветная и злая». Было от чего. Умная, довольно красивая женщина, занимающая различные должности в Совнаркоме близко знакомая с Луначарским, Крупской, Мейерхольдом, Маяковским, Белым, мать двоих детей, член партии, — Зинаида Райх не могла жить той жизнью, которая складывалась у нее с Есениным. Она не могла ходить за ним в числе поклонниц по улицам и кафе, дружить с Мариенгофом и Кусиковым, которых она ненавидела. Но и Сергей не мог жить размеренным бытом, не хотел вращаться в компании ее друзей и знакомых. Про обоих можно было сказать: они и любили, и ненавидели друг друга. Бесспорно, от Есенина ушла Зинаида. Ушла, несмотря на то, что любила, а, может быть, потому, что любила.

Но уехав с новорожденным Костей в Кисловодск на отдых, Райх, не забывая своих прав, писала Сергею письма с требованием денег на воспитание детей. Причем писала : "немедленно". Это вызывало сильное раздражение у Сергея. Однако в июле 1920 года из Ростова проездом на Кавказ он все же написал своему издателю Сахарову в Москву: «...еще к тебе особливая просьба. Ежели на горизонте появится моя жена Зинаида Николаевна, то устрой ей как-нибудь через себя или Кожебаткина тыс. 30 или 40. Она, вероятно, очень нуждается, а я не знаю ее адреса. С Кавказа она, кажется, уже уехала, и встретить я ее уже не смогу».

Многие современники писали, что Есенин любил Зинаиду Райх, что она была даже единственной любовью в его жизни: «Любил ли он кого? — писал Г. Устинов. — Я думаю, любил только первую жену". Хотя Вадим Шершеневич несколько по другому смотрел на их отношения. "Вообще этот брак был странен. Райх Есенина очень любила. Не знаю, любил ли когда-нибудь Есенин Райх. Вероятно, любил, хотя он это всегда отрицал и обращался с ней недружелюбно". Но даже Анатолий Мариенгоф, много сделавший для того, чтобы их развести признавал: "Кого же любил Есенин? Больше всех он ненавидел Зинаиду Райх. Вот ее, эту женщину, с лицом белым и круглым, как тарелка, эту женщину, которую он ненавидел больше всех в жизни, ее — единственную — и любил". И затем объясняет причину ненависти Есенина. "Зинаида сказала Есенину, что он у нее первый. И соврала. Этого Есенин никогда не мог простить ей. Не мог по-мужицки, по темной крови, а не по мысли.

— Зачем соврала, гадина?!"

Может быть, Мариенгоф и был прав. Психологический сексуальный мир Есенина носил на себе печать его невротического характера. Сергей никого не любил обычной, спонтанно возникающей любовью. Его любили, мучительно, страстно, безнадежно, но Сергей любил только себя и свою поэзию. "Он не мог любить никого и ничего, кроме своих собственных стихов и своей музыки, – писал Р. Ивнев. – При всей удивительной теплоте его лирики его любовь была беспредметна. Те, кто знал Есенина хорошо, понимали, что он никогда не любил по-настоящему ни одну женщину". И все, что помогало ему в его желании сохранить независимость, чтобы ему не мешали, чтобы не сковывали какими-то обязательствами, было для Сергея крайне необходимым, желанным и психологически комфортным.

2. "В плену обаятельного Мариенгофа"

Как и в случае с Клюевым, Есенин неосознанно потянулся к человеку, который удовлетворил его претензии на признание, который как бы угождал его "гордому Я", спокойно воспринимая некоторые его невротические особенности. Сергей почувствовал хорошее отношение к себе со стороны своего нового знакомого – Анатолия Мариенгофа – этого холодного и выдержанного "денди". Они оба сразу осознали если не духовную близость, то какое-то взаимное влечение, искреннее и без притворства.

Есенин и Мариенгоф. 1919 г.

Странно, что после Клюева, который понимал духовные искания поэта и направлял его в питерском литературном мире (правда, не без собственной выгоды), Есенин связал себя узами дружбы с человеком, чьи поэтические дарования равнялись нулю. Мало того, между Есениным и Мариенгофом никогда не было идейной общности, и имажинизм, связавший их, для каждого носил свой поэтический и политический смысл. Однако они вместе ходили на все имажинистские мероприятия, вместе хулиганили, вместе организовывали свое благополучие в голодном и разоренном революцией городе.

Мариенгоф был высок, строен, красив, "прилизан" по моде того времени, прекрасно одевался - шил костюмы и шубы у самых лучших портных Москвы. Он, видимо, привлек Есенина своей мягкостью, обходительностью, умением выслушать Сергея, не противореча ему и не вырывая у самолюбивого поэта его первенства. Когда Городецкий, не понимая его дружбы с Мариенгофом, спросил Есенина о причине ее, тот ответил: «Как ты не понимаешь, что мне нужна тень». Хотя "на самом деле в быту, – пишет Городецкий, – он был тенью денди Мариенгофа, он копировал его и очень легко усвоил еще до европейской поездки всю несложную премудрость внешнего дендизма".

"Огромная чувствительность, шизоидного характера, – отмечал А. Лоуэн, – является частью незащитности Эго: они (т.е. шизоиды – А.Л.) особенно чувствительны по отношению к людям, от которых зависят или считают, что зависят". Поэтому Есенина легко поддавался на доброе, ласковое отношение к себе. И, если кто-то, неважно кто, мужчина или женщин, давал почувствовать Сергею, что его любит, своим поведением уменьшая душевный дискомфорт и чувство его ущемленной гордости и самолюбия, то Сергей, можно сказать, бросался в объятия того человека. В рождении этой дружбы, конечно, сыграла и "бисексуальность" Есенина. Эта "бисексуальность" была особенного плана. Друзья любили женщин, спали с ними, принимали их восхищение, но какое-то "платоновское" чувство любви друг к другу, они пронесли через всю свою жизнь. Галина Бениславская считала, что "Мариенгоф был настоящим другом Сергею".

Весной 1919-го года Сергей и Анатолий остались без комнаты. Ночевали по приятелям, по приятельницам, в неопишемом номере гостиницы «Европа», в вагоне Колобова, иногда в кабинете правления "Кафе поэтов". Словом, где, на чем и как попало. После кратковременного "бездомья", они поселились вместе в Богословском переулке, в большой комнате бахрушинского дома. Комната была просторная, светлая, аккуратно и просто обставленная. Вся квартира казалась спокойной, никаких признаков того, что здесь обитают имажинисты. На стене над кроватью цветной рисунок: Есенин во фраке и цилиндре с огромным цветком в петлице стоит под руку с козой, одетой в белое венчалное платье, — на ее голове подвенечная вуаль, в лапах пышный свадебный букет. Отсюда предпринимали друзья свои походы на Тверскую, 18, в знаменитое "Домино", ходили читать стихи, посещали свою книжную лавку.

Жили они в своем узком поэтическом мире, днем на людях, вечером в

холодной комнате. В октябре уже шел снег. Голод, разруха. Проходя по Мясницкой мимо раздувшихся лошадиных трупов с оскаленными зубами, друзья входят в свою комнату; не отряхнув, бросили шубы на стулья. В комнате было ниже нуля. Даже снег на шубах не таял. Маленькую электрическую грелку. Приносила им рыжеволосая девушка, которая может и любила кого-нибудь из этой милой парочки, но друзьям было не до нее.

После беготни с открытием книжной лавки, они устало лежали в кровати, свернувшись в клубок. Обсуждали, где добудут книги, как зададут конкуренцию Шершеневичу и Кусикову. Может в эти минуты, нежась в объятиях друга, Есенин вспоминал смазливое личико Надежды Вольпин, которая не только нетерпеливо ждала выступлений Сергея, но и сама сочиняла стихи и даже выступала перед публикой. Да и кто не стремился похвастать своими стихами в этом кафе.

В момент самой суеты с открытием книжной лавки к Есенину приехала Зинаида Райх, чтобы показать дочку Танюшку. А из Пензы заявился закадычный друг Георгий Колобов, обеспечивающий друзей продуктами. Несмотря на заградотряды, которые не пропускали в голодную Москву крестьян с продовольствием, он постоянно привозил что-нибудь для подкорма своих друзей. Ну и бедлам они устроили! Зинаида Николаевна, Танюшка, няня ее, Молабух и двое хозяев — шесть душ в одной комнате.

"А вдобавок, — писал Мариенгоф, — Танюшка как и старых писали книжках, «живая была живулечка, не сходила с живого стулечка»: с няниных колен — к Зинаиде Николаевне от нее — к Молабуху, от того — ко мне. Только отцовского «живого стулечка» ни в какую она не признавала. И на хитрость пускались, и на лесть, и на подкуп, и на строгость — все попусту.

Есенин не на шутку сердился и не в шутку считал все это «кознями Райх».

А у Зинаиды Николаевны и без того стояла в горле слеза от обиды на Таньку, не восчувствовавшую отца".

А ночью, шепотом, в постели, "нежно обняв за плечи, — признается Мариенгоф, — и купая свой голубой глаз в моих зрачках, Есенин спросил:

— Любишь ли ты меня, Анатолий? Друг ты мне взаправдашний или не друг?

— Чего болтаешь!

— А вот чего... не могу я с Зинаидой жить... Вот тебе слово, не могу... Говорил ей — понимать не хочет... Не уйдет, и всё... ни за что не уйдет... Вбила себе в голову: «Любишь ты меня, Сергун, это знаю и другого знать не хочу...» Скажи ты ей, Толя (уж

так прошу, как просить больше нельзя!), что есть у меня другая женщина.

— Что ты, Сережа... Как можно!

— Друг ты мне или не друг?.. Вот... А из петли меня вынуть не хочешь... Петля мне ее любовь... Толюк, милый, я похожу... пойду по бульварам к Москве-реке... а ты скажи, она непременно спросит, — что я у женщины... С весны, мол, путаюсь и влюблен накрепко,.. Дай я тебя поцелую..."

После этой встречи Зинаида Райх на другой день уехала в Орел. Александр Сахаров, один из друзей Есенина, на квартире которого позже Сергей хранил свои рукописи, писал: "Есенин делал для Мариенгофа все, все по желанию последнего исполнялось беспрекословно. К любимой женщине бывает редко такое внимание. Есенин ходил в потрепанном костюме и разбитых ботинках, играл в кости и на эти "кости" шил костюм или пальто у Деллоне Мариенгофу. Ботинки Мариенгоф шил непременно "в Камергерском" у самого дорогого сапожного мастера, а в то же время Есенин занимал у меня деньги и покупал ботинки на Сухаревке. По какой-то странной случайности казначеем был Мариенгоф. До 1920 года Есенин к этому относился равнодушно, потом это стало его стеснять, и как-то, после одного случая, Есенин начал делить деньги на две части".

Екатерина Есенина вспоминала, что когда отец их Александр Никитич вернулся в Константиново после посещения квартиры на Богословском, то "на следующий день мать допрашивала отца:

– Мерингофа-то видел?

– Видел, – отвечал отец. – Ничего молодой человек, только лицо длинное, как морда у лошади. Кормится он, видно, около нашего Сергея".

Действительно, Мариенгоф кормился около поэта не только в прямом смысле, который имел в виду отец Есенина, но и в переносном. Растущая слава Есенина и его явно выраженное поэтическое дарование было необходимо пензенскому еврею для пропаганды собственного "таланта". Сергей, рвущийся к славе, не понимал этого и как настоящий шизоид терял ориентиры при дружеском, ласковом и некритичном отношении к себе. Поэтому он практически влюбился в Анатолия, находя в нем оплот и защиту не только от "внешних врагов", но успокаивая свою базальную тревожность.

Зима 1919 года была холодной. Электрическую грелку у них отобрали, в просторной комнате стало холодно и друзья стали спать вдвоем на одной кровати. Наваливали на себя гору одеял и шуб. "По четным дням я, – вспоминает Мариенгоф, –

а по нечетным Есенин первым корчился на ледяной простыне, согревая ее теплотой тела.

Одна поэтесса просила Есенина помочь устроиться ей на службу. У нее были розовые щеки, круглые бедра и пышные плечи.

Есенин предложил поэтессе жалованье советской машинистки с тем, чтобы она приходила к нам в час ночи, раздевалась, ложилась под одеяло и, согрев постель («пятнадцатиминутная работа!»), вылезала из нее, облекалась в свои одежды и уходила домой.

Дал слово, что во время всей церемонии мы будем сидеть к ней спинами, уткнувшись носами в рукописи. Три дня мы ложились в теплую постель. На четвертый день поэтесса ушла от нас, заявив, что она не намерена дольше продолжать своей службы. Когда она говорила, голос ее захлебывался от возмущения, а гнев расширил зрачки. Глаза из небесно-голубых стали черными, как пуговицы на наших лаковых ботинках.

— В чем дело?.. Мы свято блюли условия.

— Именно!.. Но я не нанималась греть простыни у святых".

Сергею и Анатолию было хорошо и без поэтессы.

Трудно оценить и однозначно определить отношения Есенина и Мариенгофа. С одной стороны, какая-то странная привязанность Сергея к "милому Толюку", с другой стороны вполне нормальные отношения с женщинами. Когда в начале 1920 года у Мариенгофа завелась подруга (актриса Камерного театра Никритина), Есенин ревновал, "супил брови", когда его друг исчезал под вечер. Приходил Кусиков и подливал масла в огонь, намекая на измену в привязанности и дружбе, уверяя, что начинается так всегда — со склонности легкой, а кончается... А когда Мариенгоф не ночевал дома, Есенин даже напивался и на удивленный вопрос Анатолия: "Один водку пил? Отвечал ревниво:

— Да. Пил. И каждый день буду... ежели по ночам шляться станешь... С кем хочешь там хороводься, а чтобы ночевать дома.

Хотя сам Сергей также не упускал возможности погулять, но возвращался всегда домой. Он даже в пик Мариенгофу познакомился с молодой поэтессой Надеждой Вольпин, которая надолго осталась близкой подругой Сергея. При всем этом, удивительная нежность к другу и удивительная ненависть к жене, которой осталось два месяца до рождения ребенка. Приходит, что-то требует, пытается

наладить семейную жизнь. Сложная любовная атмосфера.

Анализируя поведение Есенина и Мариенгофа, описанные в "Романе без вранья", С. Карлинский в «Нью-Йорк тайме бук ревю», пишет: "так, если вы спросите, есть ли у меня доказательства, что Есенин и Мариенгоф были любовниками, я должен буду признать, что их у меня нет. Но я уверен, что они были любовниками в полном смысле этого слова и что эта догадка не является чисто умозрительной. С точки зрения литературной эти отношения интересны тем, что они были для Есенина огромным эмоциональным импульсом". Однако сама Анна Никритина в беседе с Гордоном Маквеем отнеслась к предположению Карлинского скептически, находя все эти домыслы смехотворными. Ведь у Есенина и Мариенгофа было много романов с женщинами, утверждала она. В письме к Маквею Никритина писала, что "самым важным и нужным для них [Мариенгофа и Есенина] было их искусство, а не женщины".

В конце концов, Маквей пишет уклончиво: «Возможная бисексуальность Есенина — это вопрос для обсуждения. Это позволит прояснить некоторые аспекты его психологии и поэзии... Было бы слишком просто считать эту тему пустой «теорией» или «погоней за сенсацией... В настоящее время трудно прийти к какому-то определенному выводу. Некоторые факты могут замалчиваться, и не все мнения по этому вопросу хорошо известны".

Психологическое состояние Сергея, при всей его внешней бурной и привольной жизни, становилось все более дискомфортным. Он внутренне хочет быть свободным, не связанным никакими обязательствами, нормами, запретами. Он начинает бунтовать против любого принуждения, против внешних и своих собственных долженствований и запретов. Почему он должен быть добрым и улыбающимся? Почему он должен постоянно пресмыкаться перед властью, чтобы получить необходимые ему привилегии для обеспечения его славы? Почему он должен читать стихи всякой швали, которая жрет и пьет во время его "божественного" выступления? Почему он должен жить по-семейному с женщиной, которая ему столько раз изменяла? Сергей хочет выбросить все за борт и делать только то, что нравится и когда нравится. Если он не может быть образцом "целомудрия" и "искренности", если его "божественные слова" никто не воспринимает, если страна "Инония" - мир, созданный в его воображении, не приходит на землю, то плевать на все. Лучше быть совсем "плохим", развратным, лживым, начать оскорблять других, и

заслуживающих это оскорбление и не заслуживающих его.

Есенин уже не чувствует себя пророком Третьего Завета, теперь он "хулиган", пришедший в мир ошарашить внимающую ему толпу.

Бродит черная жуть по холмам,
Злобу вора струит в наш сад,
Только сам я разбойник и хам
И по крови степной конокрад.

.....

Но не бойся, безумный ветер,
Плюй спокойно листвой по лугам.
Не сотрет меня кличка "поэт",
Я и в песнях, как ты, хулиган.

В Москве свирепствовали болезни, голод. На улицах промышляли десятки тысяч беспризорников и отпетых преступников. И, тем не менее, в кафе «Домино» собиралась творческая молодежь, разгорались яростные литературные споры поэтов различных направлений. Современники отмечали, что там нередко дело доходило до скандалов. Публика набивалась до предела, люди стояли в дверях, проходах, на лестнице. Мариенгоф с эстрады "молится матерщиной", и тут же начинается перебранка с посетителями кафе.

"Не оскорбляйте публику, хамы!"

"К чертовой матери!"

Дело близится к мордобою, Есенин оглушает зал диким свистом:

– Толя, смело бей эту сволочь! Я тебе помогу.. Молчать, или спущу с лестницы.

Озорничать на эстраде было тогда модно. Эпатировали публику и недостаточно понятными стихами, и слишком понятными ругательствами. Еще неизвестно, что ее больше оскорбляло. Озорничал Сергей и в «Стоиле Пегаса». "Странное это было учреждение. - отмечал Э. Герман. - На эстраде — Есенин, Брюсов. Пред эстрадой — спекулянты, проститутки и — по должности, а может, и по любви к поэзии — агенты

уголовного розыска. Поэзией тогда питались многие, благо хлеб по карточкам выдавали очень скупой".

А в кафе "Домино" сам бог велел ошарашивать публику. В основном здесь собирались разного рода спекулянты и жулики, послушать музыку, закусить хорошенько с «дамой», подобранной с Тверской. Поэты, выступающие перед этой публикой, подчас не подозревали, как за их спиной набивали карманы содержатели всех этих кафе, да поэтам, и деваться было некуда. Спекулянты и дамы их, шикарно одетые, были жирны, красны, много ели и пили. Бледные и дурно одетые поэты сидели за пустыми столами и вели бесконечные разговоры о том, кто из них гениальнее.

Есенин гордо стоял, окруженный неведомыми миру «гениями» и "знаменитостями», очаровывая всех своей необычной улыбкой, улыбкой "Моны Лизы", которая, по словам Полетаева *"не менялась в зависимости от того, разговаривал ли он с женщиной мужчиной, а это очень редко бывает*. Как ни любезно говорил он со всеми, было заметно, что этот «крестьянский поэт" смотрел на них как на подножие грядущей к нему славы".

11 января 1920 года Сергей устроил очередной большой скандал в кафе "Домино". После чтения стихов начинающих поэтов, объявляют Есенина. Он выходит в меховой куртке, без шапки. Обычно улыбается, но вдруг неожиданно бледнеет, как-то отодвигается спиной к эстраде и говорит:

— Вы думаете, что я вышел читать вам стихи? Нет, я вышел затем, чтобы послать вас к ...! Спекулянты и шарлатаны!..

"Публика повскакала с мест, – вспоминал Полетаев. – Кричали, стучали, налезали на поэта, звонили по телефону, вызывали «чеку». Нас задержали часов до трех ночи для проверки документов. Есенин, все так же улыбаясь, веселый и взволнованный, притворно возмущался, отчаянно размахивал руками, стискивал кулаки и наклоняя голову «бычком» (поза дерущегося деревенского парня), странно, как-то по-ребячески морщил брови и оттопыривал красные, сочные, красивые губы. Он был доволен". Да, Сергей был доволен, несмотря на то, что за этот скандал на него завели "Дело №1005, которое было предано в местный народный суд, куда Есенин должен был явиться 31 марта.

А зимой 1920 года произошла еще одна большая ссора с женой, перед самым рождением сына. Отношения с Зинаидой Райх подходили к изначально

определенному концу.

Любимая!

Меня вы не любили.

Не знали вы, что в сонмище людском

Я был, как лошадь, загнанная в мыле,

Пришпоренная смелым седоком.

Может потому Есенин откровенно и написал, что "Свою жену легко отдал другому", как бы не дорожа ей, хотя чувство привязанности сохранялось долго.

3. "Бегство от действительности"

Не дожидаясь суда и рождения сына, 23 марта Есенин сбежал с Мариенгофом в Харьков. Плевать на суд. Плевать на "Домино". Плевать на всех.

В Харькове Есенин встретился с Львом Повицким и познакомился с милыми еврейскими девушками Фридой Лейбман, Женей и Ритой Лифшиц, которые с явным восхищением ожидали своего кумира. "Пребывание Есенина в нашем доме превратилось в сплошное празднество, – пишет Повицкий. – Есенин был тогда в расцвете своих творческих сил и душевного здоровья. Помину не было у нас о вине, кутежах и всяких излишествах. Есенин, как в Туле, целые вечера проводил в беседах, спорах, читал свои стихи, шутил и забавлялся от всей души. Девушки ему поклонялись открыто, счастливые и гордые тем, что под их кровлей живет этот волшебник и маг художественного слова. Есенин из этой группы девушек пленился одной и завязал с ней долгую нежную дружбу. Целомудренные черты ее библейски строгого лица, по-видимому, успокаивающе действовали на «чувственную вьюгу», к которой он прислушивался слишком часто, и он держался с ней рыцарски благородно". Это была Женя Лифшиц, влюбившаяся в Сергея, как и множество других его поклонниц.

Есенин снова не мог обойтись без скандалов. Сначала устроил читку антирелигиозных стихов на площади в "пасхальный" день. Затем спасался от милиционеров, непонятно по какой причине (время, правда, было трудное, всех проверяли). А когда в Харьковском городском театре Есенин выступил вместе с

Мариенгофом, эпатируя публику своим поэтическим озорством, присутствующие, обиженные непонятной им бредятиной, освистали Мариенгофа, не сердились только на Есенина. "Не потому, что его знали, - пишет Э. Герман, — знали его здесь немногие. Просто — невозможно было сердиться на этого светлого, радостного, рассеянно улыбающегося юношу".

Сергей сравнивал Женю Лившиц с возлюбленной царя Соломона, прекрасной Суламифью. Анатолий, немного ревнуя, прозаично говорил, что она прекрасна, как всякая еврейская девушка, только что окончившая в Виннице гимназию и собирающаяся на зубо врачебные курсы в Харьков. Точно такой же, милой, влюбленной, умной была и Надя Вольпин, которую Сергей оставил в Москве.

Вернувшись из Харькова, Сергей уезжает на родину, в Константиново. Два года Есенин не видел своей родни. Иногда, правда, приезжал отец, просил денег, жаловался на тяжелую жизнь. Да что Сергею их проблемы. Он не отказывал в деньгах, но всегда помнил о своих ссорах с отцом, о его нежелании видеть сына поэтом.

— Знать вы там ничего не желаете, а я вам что мошна... сдохну — поплачете о мошне, а не по мне.

Деревня вызывала у Сергея уже не чувство радости и душевного успокоения, а ощущение потерянной идеальной мечты. "Дома мне, - писал он Жене Лившиц в Харьков, - несмотря на то, что я не был там три года, очень не понравилось, причин много..." Тяжелое восприятие рушащегося мира его мечты, вызвало в поэте грустные мысли о смерти. Это тема станет постоянно звучать в дальнейших стихотворениях поэта.

Только сердце под ветхой одеждой
Шепчет мне, посетившему твердь:
"Друг мой, друг мой, прозревшие вежды
Закрывает одна лишь смерть".

Воспоминания о любовных увлечениях юности, о первой романтической, детской любви к Анне Сардановской нахлынули и терзают его чувствительные, вернее сентиментальные струны. Может, сказалоь и отсутствие Мариенгофа. Но, вернувшись в Москву, он прибегает к "имажинисту" Ивану Грузинову; расстроенный, усталый, пожелтевший, растрепанный. Ходит по комнате взад и вперед. Переходит из

одной комнаты в другую. Наконец садится на стол в углу комнаты:

– У меня была настоящая любовь. К простой женщине в деревне. Я приезжал к ней. Приходил тайно. Все называл ей. Об этом никто не знает. Я давно люблю ее. Горько мне. Жалко. Она умерла. Никого я так не любил. Больше я никого не люблю.

Есенин находится в каком-то нервном, возбужденном состоянии из-за психологической надломленности, и тех глубоких внутренних конфликтов, которые он переживал. Общась с Сергеем, Надя Вольпин заметила его необычное поведение и поделилась как-то своими впечатлениями с Грузиновым: "Мне всегда страшно за Есенина. Такое чувство, точно он идет с закрытыми глазами по канату. Окликнешь — сорвется".

Несмотря на активную внешнюю жизнь, Сергей постоянно страдает от одиночества. "В Москве я сейчас крайне чувствую себя одиноко, – пишет он 8 июня Женечке Лифшиц. – Мариенгоф по приезде моем из Рязани уехал в Пензу и пока еще не возвращался". О своих трудностях, настоящих или мнимых, созданных в его воображении, он сообщает А. Ширяевцу в Ташкент. "Живу, дорогой, – не живу, а маюсь, только и думаешь о проклятом рубле. Пишу очень мало. С старыми товарищами не имею почти ничего".

Поэтому Сергей был рад, когда Почем-Соль предложил друзьям отправиться вместе с ним на Кавказ. Почему бы не уехать, не скрыться на время от всяких судов, милиционеров, "блюмкиных" и прочей братии из "че-ка", наконец, от мучающих его проблем и одиночества. В начале июля вместе с Мариенгофом и В. Гостевым, в вагоне их общего друга Г. Колобова (Почем-Соль), Есенин отправился Ростов-на-Дону, Таганрог, Новочеркасск, Тихорецк, Пятигорск, Кисловодск, Баку, Тбилиси.

В отдельном, мягком купе, на весь вагон четыре человека и проводник. Мелькают города, все те же "имажинистские" скандалы, пьянки, буйство, но какое-то показное, ненастоящее. В Новочеркасске после громовой статьи в местной газете лекция за несколько часов до начала запрещается. Затем Баку, Тифлис. Путешествие, хоть и в компании Мариенгофа, несколько утомляет Сергея. Его душевное состояние в какой-то мере выражено в августовском письме к Жене Лившиц. Очень необычное, философское, грустное письмо. В этом письме проявился Есенин переживающий, думающий, умеющий искренно печалиться, наблюдая из окна вагона изменения, которые происходят в его любимой Родине.

"Милая, милая Женя! Ради бога не подумайте, что мне что-нибудь от Вас

нужно, я сам не знаю, почему это я стал вдруг Вам учащенно напоминать о себе, конечно, разные бывают болезни, но все они проходят. Думаю, что пройдет и это...

Мне очень грустно сейчас, что история переживает тяжелую эпоху умерщвления личности как живого, ведь идет совершенно не тот социализм, о котором я думал, а определенный и нарочитый, как какой-нибудь остров Елены, без славы и без мечтаний. Тесно в нем живому, тесно строящему мост в мир невидимый, ибо рубят и взрывают эти мосты из-под ног грядущих поколений. Конечно, кому откроется, тот увидит тогда эти покрытые уже плесенью мосты, но всегда ведь бывает жаль, что если выстроен дом, а в нем не живут, челнок выдолблен, а в нем не плавают".

Возвращаются друзья в Москву только в октябре. А 18 октября 1920 года как бы в подтверждение своих мыслей о "не том социализме" Сергей Есенин неожиданно арестовывается на квартире Кусикова сотрудниками ВЧК вместе с самим Сандро и его младший брат Рубеном. Все были доставлены во внутреннюю тюрьму на Лубянке. Мариенгоф бежит к Малкину, заведующему Центропечати. Связи начинают работать. Наконец Сергея, испуганного и небритого, отпускают под поручительство Якова Блюмкина. После этого случая чекисты стали проявлять к Есенину самое пристальное внимание. Вряд ли они видели в молодом и популярном поэте какого-то врага. Просто работа у них была такая.

Первый страх и неприятное ощущение проходят, и снова молодые люди вместе. Жизнь как у Христа за пазухой. В голодающей Москве два друга живут в трехкомнатной квартире, экономка Эмилия кормит их рябчиками, глухарями, пломбирами, фруктовыми муссами, золотыми ромовыми бабами. Оба хозяйственны, сыты, благополучны. Типичные нэпманы, с выутюженной складкой на брюках; с воротничками, платками, рубашками поразительной белизны. Счастливая парочка. Таким увидел их Рюрик Ивнев, когда в ноябре 1920 года приехал в Москву и пошел искать их на литературном вечере в Большом зале консерватории. "Они сбегали с лестницы, веселые, оживленные, *держа друг друга за руки*. В ту минуту они мне показались двумя гимназистами, резвящимися на большой перемене. Мое появление было для них совершенно неожиданным. Они бросились ко мне с бурной радостью, которая тронула меня и доказала лишний раз, что можно быть большими друзьями и *любить друг друга независимо от литературной платформы*".

Такое же впечатление произвели они на Никритину, актрису Камерного театра,

за которой в 1921 году стал ухаживать Мариенгоф: "Есенин и Мариенгоф жили одним домом, одними деньгами. Оба они были чистенькие вымытые, наглаженные, в положенное время обедали, в положенное время ужинали. Я бы не сказала, что это было похоже на богему... Одевались они одинаково: белая куртка, не то пиджачок из эпонжа, синие брюки и белые парусиновые туфли. До чего же Есенин был хорош в этом туалете!"

4. Вот она, долгожданная слава первого поэта

Во время своего путешествия в прогоне от Минеральных вод до Баку Есениным написан "Сорокоуст", по словам Мариенгофа, "одна из лучших его поэм". Может быть потому, что "Сорокоуст" поэт посвятил своему любимому другу, как память о приятной поездке. В Москве Сергей сразу же начинает свои выступления. Он горд новым успехом и снова жаждет похвал, аплодисментов, скандальной славы.

Кафе "Домино". Обычный литературный вечер, человек сто посетителей: поэты и приглядывающие за ними органы. "Есенин нервно ходил по эстраде, – вспоминал Грузинов, – жаловался, горячился, распекал, ругался: *он первый, он самый лучший поэт России, кто-то ему мешает, кто-то его "не признает"*. Затем громко читал "Сорокоуст". Так громко, что проходящие по Тверской могли слышать его поэму. Сергей ожидал протестов, недовольных возгласов, воплей негодования. Но присутствующие спокойно выслушали его бурную речь и не менее бурную поэму. Есенин удивлен и чувствует себя как-то неловко: ожидал борьбы, а тут никто и не протестует.

А через две недели вечер в Политехническом музее. Выступает Есенин. Начинает свой «Сорокоуст». Уже четвертый или пятый стих вызывает кое-где свист и отдельные возгласы негодования.

Трубит, трубит погибельный рок!
Как же быть, как же быть теперь нам
На измызганных ляжках дорог?

Вы, любители песенных блох,
Не хотите ль пососать у мерина?

Полно кротостью мордищ праздниться,
Любо ль, не любо ль — знай бери.
Хороню, когда сумерки дразнятся
И всыпают нам в толстые задницы
Окровавленный веник зари.

Публика возмущена, кричит: «Довольно!» Есенин пытается продолжать, но его не слышно. Шум растет. Есенин уходит с эстрады. Сразу же на эстраде Маяковский. Кричит во весь свой мощный голос: "Мать — это поэзия, а сыночки-убийцы — имажинисты! " В ответ Есенин громко критикует своего вечного соперника: " Смотрите, мол, на меня, какая я поэтическая звезда, как рекламирую Моссельпром и прочую бакалею. А я без всяких прикрас говорю: сколько бы ни куражился Маяковский, близок час гибели его газетных стихов".

Есенина берут несколько человек и ставят его на стол. И вот он в третий раз читает свои стихи, читает долго, по обыкновению размахивая руками, но даже в передних рядах ничего не слышно: такой стоит невообразимый шум. Наконец публика, успокоенная Брюсовым, продолжает слушать поэта более внимательно. "А потом и в печати стали цитировать эти строки, - вспоминает Розанов, - прицепив к Есенину ярлык: «поэт уходящей деревни».

Но Есенин не хотел быть "деревенским" поэтом. Он мечтал о "мировой" славе. Это противоречие заметил Шершеневич, когда писал: "Есенин не любил деревни реальной. Он создал какую-то стихотворную деревню, идеалистическую, а в настоящую ездил неохотно, и то после усиленных вызовов матери. К старикам он относился хорошо, но равнодушно, слал им деньги, но тем и ограничивался. Чем дальше он отходил от деревни, тем меньше он ее любил. Деревня его раздражала. Что бы она ни делала, все было не по нему. Это был раздражительный дух противоречий. Он любил не ту деревню, которую видел, а ту, что видел, он ненавидел. Его признали как поэта деревни, а он хотел быть поэтом всей страны".

31 декабря Есенин читает в Политехническом свое новое стихотворение "Исповедь хулигана". Это действительно исповедь, полное раскрытие своей души, своих потаенных мыслей, своих переживаний, своего отношения к людям, окружающему миру. Начинает Сергей свое чтение с признания, что нравится ему

скандалить, что его бравада нарочитая и что его стихи – это откровение для публики, которую он одновременно презирает и ждет от нее восхищения или презрения – не важно, главное не равнодушия, а постоянного интереса:

Я нарочно иду нечесаным,
С головой, как керосиновая лампа, на плечах.
Ваших душ безлиственную осень
Мне нравится в потемках освещать.

Да, он теперь будет вести себя как хулиган, постоянно эпатировать публику, потому что ему это нравится, потому, что доставляет удовольствие кидать в равнодушных к нему людей камни презренья и обожания. А затем поэт как бы возвращается в свое прошлое, которое не дало ему ни радости, ни ласки, ни понимания. И где он родился, и как все это происходило - не суть важно, важно только то, что израненная и непонятая душа поэта запомнила на всю жизнь:

Что где-то у меня живут отец и мать,
Которым наплевать на все мои стихи,
Которым дорог я, как поле и как плоть..

И хотя он "нежно болен воспоминаниями детства", его земляки, простые крестьяне, то есть та основа, из которой он вырос, которая вскормила его и напоила своими песнями, теперь вызывают у него жалостливые чувства. Он припомнил им все обиды, которые они наносили ему, все драки и насмешки, зависть и презрение, а, главное пренебрежение его призванием, его первой, неизбывной и вечной страсти, ради которой он оставил деревню, оставил жену, "подкладывал" себя под каждого, кто поможет ему утвердиться в этом звании "первого поэта".:

О, если б вы понимали
Что сын ваш в России
Самый лучший поэт!
Вы ль за жизнь его сердцем не индевели,
Когда босые ноги он в лужах осенних макал?

И тут же ребячливая гордость своим циркаческим костюмом, который он носил "не для женщин", а ради той же славы, одеваясь в него дома и любуясь собой перед зеркалом:

А теперь он ходит в цилиндре
И лакированных башмаках.

Да, он все помнит и "свиной испачканные морды" и "ночной звенящий голос жаб", он любит родину, и в этом он искренен. Его потайное "нежное Я" постоянно вызывает в нем это чувство, от которого он не может отказаться, да и эта постоянно упоминаемая им "любовь к родине" есть часть того, созданного "гордым Я" собственного образа, который прямой дорогой ведет его к славе.

Есенин набрасывает на свое детство золотистую дымку, так как он стремится и сейчас источать свет и радость. Нет, не поведением, а своими стихами. Постоянное возвращение к воспоминаниям детства - это последнее прибежище для его проданной и потерянной души Фауста от настойчивых требований "гордого Я", которые ведет его через скандалы и попойки, через созданный им искусственный облик всеобщего любимца к тяжелейшим внутренним конфликтам. Есенин пытается убедить себя и других, что он не изменился, что ему по-прежнему дороги руины родного пепелища и отеческих гробов:

Я все такой же.
Сердцем я все такой же.
Как васильки во ржи, цветут в лице глаза.
Стеля стихов злачные рогожи,
Мне хочется вам нежное сказать.

И зрители действительно ждали этих нежных слов, что-то для себя приятного, ласкового, но Есенин, перевоплощаясь, тут же обрушивает на них новые свои откровения. Он убежден, что другие всегда чего-то ожидают и требуют от него, доброты, ласки, денег, поощрения, любви, страсти. А он не может терпеть то, что ему навязывают. В нем сидит комок противоречий, от которых Есенин страдал всю жизнь.

Начиная щеголять своим открытым неповиновением, он отвергает ожидания других и вновь возвращается к своему своеобразному протесту против внешних диктатов - образу "хулигана":

Спокойной ночи!
Всем вам спокойной ночи!
Отзвенела по траве сумерек зари коса...
Мне сегодня хочется очень
Из окошка луну обоссать.

Публика кричит, топает ногами, освистывает каждое неприличное слово поэта. Какой-то отец семейства, возмущенный теми самыми строками, которые даже скромный ГИЗ печатает теперь без пропусков, громогласно протестовал:

— Безобразие! Я ведь сюда с дочерью пришел.

А Есенин, гордый своей новой ролью бросает этой же публике вызов

Ну так что ж, что кажусь я циником,
Прицепившим к заднице фонарь!

Закончил читать. Публика разделилась на восторженную и негодующую половинки. Начались возмущенные возгласы. Есенин окинул зал голубым взглядом и сказал бесхитростно крепкое мужицкое слово. — Веришь ли,— рассказывал он Э. Герману, на другой день,— девушки лицо руками закрывали. Плакали!"

А когда Полетаев спросил Сергея, зачем, мол, он даже в такие стихи вносит похабщину и к чему эта самореклама, поэт сказал:

— Ты знаешь, как Шекспир в молодости скандалил.

— А ты что же, непременно желаешь быть Шекспиром.

- Конечно.

На самом деле образ "хулигана", который Есенин создал в своих стихах, являлся не литературным приемом, и не рекламным трюком, а был ему подсознательно необходим, чтобы постоянно поддерживать свою известность, необычность. Сергей пил и скандалил, озорничал и устраивал шум вокруг своей особы по одной причине. Он радовался тому, что его замечают, что он постоянно на

виду. Скандальные поступки поэта наложили отпечаток на его поэзию, начиная с 1920 года. Есенин в своем дальнейшем творчестве как бы воплотил мечту древнегреческих философов, "киников", которые примером собственной жизни утверждали ту моральную философию, которую они проповедовали другим.

"За всем пряталось озорство, – писал Спасский, – желание пошуметь, озадачить. Ведь всегда все смотрят на него, ждут чего-нибудь необычного. Он должен поступить по-есенински, чтоб вокруг пошел говорок. К тому же уверенность в полной безнаказанности,— ему, Есенину, все сойдет с рук. Ядовитое опьянение славой, требуется большое мужество, чтобы ему противостоять".

А если ему противоречили, то как рассказывает Николай Полетаев, поэт возмущенно по-детски кричал:

— Ты кто такое? Говно, а я ... я Есенин! Меня знает вся Россия!"

Невротический поиск славы у Есенина постоянно выражается в желании сыграть на публику, еще раз познать радость новых достижений, окунуться с головой в торжество успеха, осознать свое могущество и триумф. Однако невротические претензии тем и отличаются от претензий нормальных (каждый человек имеет определенные претензии), что невротик, по словам К. Хорни, "пытается утвердить свои исключительные права в любое время, когда его уникальность заявляет право на них, и всеми способами, какими только может". Есенин подсознательно ощущал свое право стоять над необходимостью и законами общежития. Он живет в своем выдуманном мире, в котором позволяет себе быть выше остальных.

Поэтому Сергей не мог выносить критику, одновременно критикуя всех и вся. "Есенин ловил ухом и прятал в памяти каждое слово, сказанное о его стихах, – отмечал Мариенгоф. – Худое и лестное. Ради десяти строк, напечатанных о нем в захудалой какой-нибудь газетенке, мог лететь из одного конца Москвы в другой. Пишущих или говорящих о нем плохо как о поэте считал своими смертельными врагами". То же самое отмечал Иван Старцев: "О творчестве своем распространяться не любил, но обижался, когда его вещи не нравились. Случалось, люди, скверно о нем отзывавшиеся, делались его врагами".

О своих друзьях поэтах он отзывался с некоторым презрением, постоянно критикуя их, сам же страшно обижался, когда осмеливались оспаривать его творческие успехи и право на первенство. "С старыми товарищами не имею почти ничего, - писал он А. Ширяевцу летом 1920 года, - с Клюевым разошелся, Клычков

уехал, а Орешин глядит как-то все исподлобья, словно съестъ хочет. А Клюев, дорогой мой, — бестия. Хитрый, как лисица, и все это, знаешь, так: под себя, под себя.... Очень похож на свои стихи, такой же корявый, неряшливый, простой по виду, а внутри — черт.

Клычков же, наоборот, сама простота, чистота и мягкость, только чересчур уж от него пахнет физической нечистоплотностью".

Постоянно доказывал всем свое преимущество перед Блоком:

— Блок много говорит о родине, по настоящего ощущения родины у него нет. Недаром он и сам признается, что в его жилах на три четверти кровь немецкая.

Что же касается до своих друзей имажинистов, с которыми он тесно был связан в течение нескольких лет, то и в самый разгар дружбы с ними Есенин написал в статье "Быт и искусство": "У собратьев моих нет чувства родины во всем широком смысле этого слова, поэтому у них так и несогласованно все. Поэтому они так и любят тот диссонанс, который впитали в себя с удушливыми парами шутовского кривляния ради самого кривляния" Нутра у них чересчур мало, любил повторять Есенин. «Я же, — горделиво добавлял он, — в основу кладу содержание, поэтическое мироощущение». После таких слов Мариенгоф обидно заметил: "Сережа считает только себя поэтом, остальные поэты для него не существуют".

Сравнивая свои трагедии "Пугачев" с "Капитанской дочкой" Пушкина Есенин говорил И. Розанову: "У Пушкина сочинена любовная интрига и не всегда хорошо прилажена к исторической части... Пушкин во многом был не прав. Я не говорю уже о том, что у него была своя, дворянская точка зрения... Я очень, очень много прочел для своей трагедии и нахожу, что многое Пушкин изобразил просто неверно.

Особенно ненавидел Есенин футуристов до самых последних дней. Еще в статье «Ключи Марии» Есенин говорит: «футуризм... крикливо старался напечатлеть нам имена той нечисти (нечистоты), которая живет за задними углами наших жилищ». И далее: «Он сгруппировал в своем сердце все отбросы чувств и разума и этот зловонный букет бросил, как «проходящий в ночи», в наше, с масличной ветвью ноевского голубя, окно искусства». Разъяснял он свое отношение так: «Они меня обкрадывают». Особенно с Маяковским Есенин не мог ужиться на поэтическом Олимпе того времени. Но не только с Маяковским. Однажды Есенин сказал стоя вполупорот к Мандельштаму:

— Вы плохой поэт! Вы плохо владеете формой! У вас глагольные рифмы!

"Есенин считал себя хозяином и монополистом образного слова в поэзии, – отмечал Повицкий. – Никто и ничто не могло его разубедить в этом, созданном его воображением, своеобразном представлении о «литературной собственности»".

Невротическая гордость Есенина, как результат самоидеализации, постоянно сказывалась на его взаимоотношениях с его друзьями, поэтическими соперниками, публикой. Невротические претензии Есенина, хотя и вырастали из внутренних потребностей быть самым первым, лучшим, известным, свободным и независимым, главным образом были направлены на окружающих его людей, внося элемент какой-то неуверенности в себе, судорожного требования внимания, постоянной похвалы своей особе. "Невротик, – пишет Карен Хорни, – видит других в свете потребностей, порождаемых системой гордости. Эти потребности могут быть прямо направлены на других или косвенно влиять на установки по отношению к ним. Его потребность в восхищении превращает их в восхищающуюся публику. Его потребность в магической помощи наделяет их таинственными магическими способностями. Его потребность быть правым делает их виновными и подверженными ошибкам. Его потребность в триумфе делит их на последователей и противников-интриганов".

Как бы в подтверждении этого, его новая подруга, Надя Вольпин, замечает необычное восприятие поэта. "В сознании Есенина, – пишет она, – окружающие резко делятся на друзей и врагов. «Враги» — это некое смутное подозрение. «Друзья» — всегда почти вполне конкретное, существующее во плоти и крови, хотя порой в их честную рать Есенин зачисляет и таких, кто не слишком ему предан и едва заслуживал именоваться хотя бы приятелем".

Психологически Сергей уже находится в стадии развития своего невроза. Он по-прежнему весел, стремится к славе, к всеобщему поклонению, но деструктивные силы его психики начинают свою черную работу. Еще немного и может произойти непоправимое. Но пока Бог спасает.

5. Бесплодные усилия любви. Надя Вольпин и Жена Лившиц

Ради славы Сергей готов был отказаться от всего, в том числе от любви, которая привязывает его к женщине и заставляет отказаться от свободы. Ни Зинаида Райх, его жена, которую он все-таки любил, ни молодые девушки : Женя Лившиц, Надя Вольпин, Галя Бениславская, – с которыми он знакомится во время своих

выступлений, не затрагивают его души. Сами-то они влюбляются в поэта до безумия, признаются ему в своей страсти всем видом, поведением, даже долгим, изначальным отказом в близости. Но... Еще зимой 1920 года, в пику Мариенгофу, уходящему на целую ночь к женщинам, Есенин также стал знакомиться с дамами, которые постоянно висли на шее у становящегося знаменитым поэта. Но не только эти минутные "бабочки" привлекали Сергея. Простое человеческое общение с милыми, образованными, порядочными и влюбленными в него и в его стихи девушками, начинает привлекать его. Всех их не перечислишь, но Надежда Вольпин и Галина Бениславская сумели стать не только близкими подругами, но и помощницами Сергея, умными и правдивыми свидетелями его жизни.

Надежда Вольпин

Надежду Вольпин Есенин увидел впервые еще осенью 1919 года во время своего выступления в кафе "Домино". Девушка набралась храбрости и, едва одолев смущение, подошла к светловолосому завсегдатаю Кафе поэтов, попросив его почитать стихи. А в декабре 1919 года за дешевым обедом в «Зале поэтов» СОПО (для поэтов была скидка) Есенин вновь встретился с Надеждой Вольпин. Сергей показался ей в тот день то ли нетрезвым, то ли очень уж ушедшим в себя.

"Чувствовалось, что он проходил в ту пору нелегкую полосу жизни", – вспоминает Вольпин.

Так начались его долгие, необычные, часто прерывающиеся и какие-то странные отношения с девушкой, которая через пять лет, родив от него сына, отказалась признать отцовство Есенина. Надя Вольпин живо интересовалась поэзией, сама писала стихи, правда неумелые и слабые, работала библиотекарем в госпитале. Через Сергея она вошла в круг имажинистов, познакомившись со всей шумной и интересной ватагой поэтов. После ссоры с женой настроение у Сергея никакое, а эта девушка так влюбленно на него смотрит. Есенину показалось, что она ему нравится, тем более, что "милый Толя" напрапалую бегают к женщинам. И нередко после обеда в "Зале поэтов" Есенин шел провожать девушку домой, на Остоженку, постоянно напрашиваясь в гости.

Комната у Нади большая, неплохо обставлена, на столе стопкой лежат стихи современных поэтов, и целая стопка сборников Сергея Есенина. Обрадованный поэт

первым делом выводит надпись на даримой книге.

"Надежде Вольпин с надеждой".

Однако при всем интересе Есенина к милой девушке у него были и другие, более тесные, сексуальные связи с женщинами. Вокруг Есенина крутились молодые, более раскованные поэтессы, высокие, статные, с плакатно красивыми лицами и легкою походкой. Уверенные в своем сексуальном обаянии, поэтессы легко уводят Сергея. Но и Надежде Вольпин просто так не отделаться. Он начинает искать близости с Надей. Стихи, разговоры на широком подоконнике, обсуждение своих проблем и дел - это все прекрасно, но хочется большего. Однако с этой девчушкой не так все просто, и после отбитой атаки Есенин смиренно сидит на тахте подле нее и большим платком оттирает лоб.

Грузинов, заметив ее влюбленность, пытался остановить Надю, мол, забудьте, вырвите из души. Ведь ничего не выйдет. Надя также не хочет «полного сближения». Но оказалась влюбленной. На жизнь и смерть! Во время ласк она признается в своем чувстве: " Говори, говори! - чуть слышно произносит Сергей. - Мне радостно слушать, когда тебя вот так прорвет!" А Надя думает про себя: "еще бы! Ведь я ему говорю о нем. Не только о моей любви — о нем!"

Знаменитый вечер в Политехническом в ноябре 1920 года. После окончания вечера, Галя Бениславская как зачарованная бросилась по лестнице на эстраду, потянув за собой подругу Яну. Оказавшись почему-то за кулисами, опомнилась. В узком проходе за сценой стоял Есенин. Сергей радостно подбегает к девушкам, он любит всех, кто восхищается им. У него и в мыслях ничего не было, а перепуганная и напряженная Галя Бениславская поняла все по-другому. "Вдруг Е. нагло подлетает вплотную, – пишет она в своих "Воспоминаниях", – и останавливается около меня. Не знаю отчего, но я почувствовала, что надо дать отпор; чем-то его выходка оскорбила меня, и мелькнула мысль: «Как к девке подлетел».

Странная девушка, ведет себя недотрогой, но уже влюбилась по уши. Через несколько лет она будет вспоминать этот вечер и эту встречу: "Такого, не именно его, а вообще такого, могу полюбить. Быть может, уже люблю. И на что угодно для него пойду". С этого вечера и в течении двух лет она засыпала с мыслью о нем и, когда просыпалась, первая мысль была о Сергее, так же как в детстве первой мыслью бывает: «Есть ли сегодня солнце?».

Галя! Галя! Галина Артуровна Бениславская. Она была года на два моложе Сергея, но выглядела девочкой, в которой, когда она с задором спорила или азартно смеялась, проглядывало что-то мальчишеское. Ее мать была грузинкой, отец – обрусевший француз – Карьер. Из-за психической болезни матери Галя была взята на воспитание своей теткой, врачом по профессии, которая и удочерила девочку. Ее муж, тоже врач, Артур Казимирович Бениславский, стал приемным отцом Гали, передав ей свою фамилию и окружив ее любовью, вниманием и заботой. Галя унаследовала своеобразную южную красоту матери, была мила и привлекательна. Она причесывала короткие волосы на прямой пробор, как юноша, носила скромное платье с длинными рукавами и, беседуя, любила засовывать в обшлага руки.

"В присутствии Сергея, которого очень любила, – писал М. Ройзман, – Галя расцветала, на щеках появлялся нежный румянец, движения становились легкими. Ее глаза, попадая в солнечные лучи, загорались, как два изумруда. Об этом знали. Шутя, говорили, что она из породы кошек. Галя не отвечала, застенчиво улыбаясь. Она ходила, переставляя ноги по прямой линии и поднимая колени чуточку выше, чем требовалось. Будто ехала на велосипеде, что первый заметил наблюдательный Есенин. Об этом тоже знали. Кое-кто за глаза называл ее есенинской велосипедисткой".

Бениславская была членом РКП (б), училась в Харьковском университете на факультете естественных наук, была начитанной, разбиралась в литературе, в поэзии. Ее подруга Яна Козловская, дочь старого большевика, вспоминала о сложном периоде в жизни Бениславской, когда в 1919 году она чудом осталась живой. Мечтая выбраться из Харькова, Галя отправилась в сторону расположения советских войск. По дороге она была арестована "белыми", и ее спас случай. В деникинском штабе, куда ее привели, она совершенно неожиданно встретила своего приемного отца Бениславского и ее тут же освободили. Галя попросила своего приемного отца помочь ей перебраться через фронт. Не разделяя ее политических взглядов, он выдал ей удостоверение сестры милосердия добровольческой армии. С этим удостоверением она добралась до войск "красных", и тут ее снова арестовали. «Когда Галя после перехода деникинского фронта оказалась на нашей стороне, – писала Яна Козловская, – наши хотели ее расстрелять. Один паренек запротестовал: «Ребята, давайте подождем ответа из Москвы, девушка с такими глазами не может быть предательницей. Если я ошибусь, мы всегда успеем ее расстрелять». Отец Яны, старый большевик, принял в судьбе Гали большое участие: она была освобождена,

уехала в Москву и поступила работать секретарем в ВЧК, а потом перешла на ту же должность в редакцию газеты «Беднота».

Эта двадцатитрехлетняя девушка за свою короткую жизнь перенесла столько, сколько другая женщина не переживет за весь свой век. По наследству ей досталась душевная болезнь матери, хотя и не в полной форме; у неё была неврастения, от которой она периодически лечилась. Да и весь характер ее – восторженный, увлекающийся, страстный – понравился Сергею, привлек его внимание к необычной девушке. Как в ситуации с Надей Вольпин, Есенин делает первый шаг к знакомству. Он оставляет безумно влюбленной в него девушке контрамарку.

На следующий день ее подруга Яна Козловская не верит, что Галя познакомилась с Есениным. Но ликующие глаза Галины глаза говорят сами за себя. Она приходит каждый день в "Стойло Пегаса" увидеть своего кумира. И с того первого дня, пишет Бениславская, "у меня в «Стойле» щеки всегда как маков цвет. Зима, люди мерзнут, а мне хоть веером обмахивайся. И с этого вечера началась сказка. Тянулась она до июня 1925 года. Несмотря на все тревоги, столь непосильные моим плечам, несмотря на все раны, на всю боль — все же это была сказка. Все же было такое, чего можно не встретить не только в такую короткую жизнь, но и в очень длинную и очень удачную жизнь".

Наконец-то они встретились и собрались вместе первый раз: девушки, влюбленные в Есенина, в своего кумира. На каком-то очередном вечере. Есенин читает новые поэмы — «Сорокоуст» «Исповедь хулигана». Надежда Вольпин на задних рядах – опоздала, а на эстраде слева сидят тесной стайкой радостные и гордые этой честью друзья поэта и Галя Бениславская с подругами. Среди них Женя Лившиц, приехавшая из Харькова. Поэтесса Сусанна Мар объясняет Наде, что эта девушка отчаянно влюблена в Есенина и очень ему нравится, но не сдастся (не в пример своим сестрам и стихолюбивым подругам!). Женечка Лившиц – стройная худощавая девушка со строгим и очень изящно выточенным лицом восточного типа. Ее библейские глаза по-прежнему томные и грустные. Она жадно слушает стихи своего кумира.

"Впрямь я буду встречать ее довольно часто, – пишет Надя Вольпин, – то на вечерах в Политехническом и Доме печати, то в книжной лавке имажинистов (у консерватории). Живо запомнилась такая картина: они стоят друг против друга, разделенные прилавком. Женя спиной к окну витрины, Есенин — на полном свету.

Взгляд Есенина затоплен в черную глубину влюбленных и робких девичьих глаз, рука поглаживает аккуратно выложенные на прилавок кисти покорных рук. За парой наблюдает слева — иронический и добрый взгляд Айзенштадта, справа — мой. Что читает девушка в завораживающих глазах поэта? Ответную влюбленность? Нет, скорее пригласительную нежность. Ее девическая гордость требует более высокой цены, которой не получает".

Все эти милые девушки, которые окружали своего Нарцисса, знали, что Сергей женат, но отношения с Зинаидой Райх уже почти прерваны. Каждая из них мечтала в тайне, что Есенин изберет ее своей единственной подругой жизни. В феврале 1921 года Есенин подает на развод в суд города Орла. Он хочет быть полностью свободным. Узнав об этом, Галя Бениславская как бы внутренне раскрепостилась, почувствовала себя окрыленной. "Становиться на чьем-либо пути тогда я не была способна, — пишет она в своих "Воспоминаниях". — Узнав, что он «свободен», для меня ясно, что раз никаких внешних преград нет, то я пойду на все".

И Надя Вольпин наконец-то решается. Очень трудно сдерживать свои чувства рядом с любимым человеком. Наконец на квартире у Есенина в Богословском переулке Надя впервые отдается любимому человеку. Сергей был удивлен, что эта боевая, самостоятельная, живущая одна, девушка оказалась ...девственницей. Надя прекрасно понимала, что Сергей никогда не свяжет себя с ней, тем более, что и она и он были слишком свободолюбивы, слишком неуживчивы. И хотя Есенин как-то произнес: "Поэт женат на поэтессе. Смешно!", мысль о браке была отвергнута сразу.

Как и с Зинаидой Райх у Сергея не складываются отношения с Надей Вольпин. Она умна и независима, он слишком любит себя и свою поэзию. Но при этом Есенин постоянно требует выражения любви к себе. Конечно, сексуальные переживания важны и приятны для Сергея, он вступает в них часто и по разным поводам, но, следует отметить, что он всегда осознанно или неосознанно настороже, чтобы не сформировалась привязанность. Такое поведение Сергея отметила Надя после первого сексуального контакта. "Только каждый сам за себя отвечает! — сказал Есенин мне в тот вечер своей запоздалой победы... При этом, однако, подумалось: *«Выходит, все же признаешь в душе свою ответственность — и прячешься от нее?»*

6. Необычные поступки и выдумки

В начале 1921 года у Сергея появляются мысли о поездке за границу. Планы эти были серьезны настолько, что 10 февраля Народный комиссар просвещения А. В. Луначарский написал заместителю Народного комиссара иностранных дел: «Уважаемый тов. Карахан! Прошу Вас оформить поездку за границу поэтов Сергея Есенина и Рюрика Ивнева». Но с поездкой ничего не получилось.

Состояние трагизма жизни постоянно прорывается в стихах Есенина, хотя он еще не ощущал подлинной депрессии. Как-то, декламируя стихи Пушкина, произнес: «Написать бы одно четверостишие такое — и умереть не страшно... А я обязательно скоро умру...». Тема смерти волнует его, но общее психологическое состояние поэта еще вполне спокойное. Несмотря на изредка проявляющиеся печальные мысли, он с энтузиазмом начинает работать над "Пугачевым", собирался поехать в киргизские степи и на Волгу, чтобы проехать по тому историческому пути, по которому Пугачев шел на Москву. В мае Есенин поехал в Ташкент. Встречали его там замечательно. По возвращении он снова вместе со своей "бандой" имажинистов продолжает устраивать скандалы, шумные и приносящие ему известность мероприятия.

Ночью десятого июня 1921 года эта компания весело расклеивала в темной Москве листовки о «Всеобщей мобилизации» с помощью добровольных помощниц Яны Козловской, Ани Назаровой и Гали Бениславской. Листовка гласила:

"Имажинисты всех стран, соединяйтесь!

Всеобщая мобилизация

поэтов, живописцев, актеров, композиторов,

режиссеров и друзей действующего искусства"

"Приказ" предлагал - всем! всем! всем! собраться на Театральной площади со знаменами и лозунгами в защиту левого искусства. Вышедшие утром на улицы многие москвичи не разобравшись, решили, что предстоит мобилизация поэтов, живописцев, актеров... Перепуганные москвичи, по словам Мариенгофа. "хватались за головы и бежали как оглашенные". За подобное озорство имажинистов вызвали в МЧК, и посоветовали отменить манифест. Когда вечером вся братия явилась на Театральную площадь, то народ кричал: «Есенин! Есенин!»

В другой раз имажинисты расписали похабными лозунгами стены страстного монастыря. О своих подвигах Есенин не уставал рассказывать друзьям. Однажды он

пришел к Ивану Старцеву, заведующему "Стойлом Пегаса". «Усадил меня обедать и начал рассказывать, – вспоминал Старцев, – как они переименовывали в свои имена улицы и раскрасили ночью стены Страстного монастыря, на которых Есенин намалевал: "Вот они, жирные ляжки..."»

Бесспорно, что инициатором большинства этих скандальных выходов, эпатазирующих простых обывателей, был именно Есенин, с присущим ему полетом фантазии, работающей на его будущую славу. Рюрик Ивнев отмечал: "Есенин любил всякие затеи, выдумки. Ему нравилось, когда какой-нибудь его поступок вызывал удивление... Для него было сущим наслаждением ошарашить всех чем-нибудь неожиданным и необычным. Кроме того, Есенин любил строить всякие планы, иногда замаскировано шуточные, а иногда просто неисполнимые".

Сергей понимал, что слава "первого русского поэта" неотделима от славы "хулигана и скандалиста". Одно без другого было невозможно. Только все эти скандалы, споры за первенство, поиски внимания публики - все это опустошало Есенина. Тяжелый внутренний конфликт разрывал его на части, заставляя погружаться в кабацкий угар какой-нибудь забегаловки. Постепенно Сергей начал привыкать пить. Пока это было не так заметно. Пил, как все литераторы, не больше. Даже осознавал свое пьянство. В мае 1921 года, находясь в Самаре, писал своему другу Мариенгофу: "Я сейчас собираю себя и гляжу внутрь. Последнее происшествие меня так сильно ошеломило. Больше, конечно, так пить я уже не буду, а сегодня, например, даже совсем отказался, чтоб посмотреть на пьяного «Почем-Соль». Боже мой, какая это гадость, а я, вероятно, еще хуже бывал". Жаловался он на свое пьянство и Наде Вольпин, которая его успокаивала, что "не такой уж он пропойца, пьет не водку, вино — и по три-четыре дня на неделе совсем бывает трезв — тогда и работает!

Это не в утешение говорилось — так оно и было. Весь двадцатый и двадцать первый год Сергей Есенин пил умеренно, куда меньше, чем очень многие его друзья-приятели. Возможно, это была самая трезвая полоса в его жизни, считая со времени создания «Ордена имажинистов». Есенин был в расцвете своих поэтических сил. Во время своего путешествия по Волге и Уралу он начал свою знаменитую поэму "Пугачев", которой придавал огромное значение в своем творчестве, мечтая сравняться с Пушкиным. Со своей знаменитой поэмой Есенин выступил в Доме печати. Читал он великолепно.

Однако "Пугачев" не всеми был встречен восторженно. При жизни Есенина эта

маленькая трагедия так и не была поставлена, хотя Мейерхольд вскоре после появления этого произведения проявил к нему интерес. Есенин хотел, чтобы "Пугачева" обязательно поставили на сцене. Уже роздали текст артистам, но постановка не получилась. В ответ Есенин гордо заявил: "Если режиссеры считают «Пугачева» не совсем сценичным, то автор заявляет, что переделывать его не намерен: *пусть театр, если он желает ставить «Пугачева». перестроится так, чтобы его пьеса могла увидеть сцену в том виде, как она есть*".

Какая-то грусть появлялась в Есенине, поначалу неуловимая, но потом замеченная его ближайшими друзьями. "Как ни странно, – вспоминал Вадим Шершеневич, – я не помню Сережу веселым. Я видел его пляшущим, поющим, шумливым, но подлинного веселья я у него не помню. Кусиков умел веселиться, забыв все на свете, даже иногда без вина. Есенин всегда был в надрыве и в мыслях и даже своим разгулом он просто маскировал суть.

При неожиданной мысли он мог сразу, в самый разгар шумного веселья, стихнуть и уйти в себя.."

7. Нарциссизм и самовлюбленность

Есенину кажется, что он достиг много. Слава первого поэта, прекрасные стихотворения и "Пугачев". И девушки, влюбленные в него, и жаждущие стать единственной подружкой самого популярного поэта России, голубоглазого и золотоголового красавца. После ссоры Сергея с Надей Вольпин они сторонятся друг друга, но видятся чуть ли не каждый день в «Стойле Пегаса». Туда же почти каждый вечер приходит Галина Бениславская с какой либо подружкой, чаще всего с Яной Козловской. Устраиваются они не за столиком, а сбоку на эстраде, как на крыльце, позади рояля лицом к коридору, что ведет в кухонное царство. К ним вскоре подсаживается и Есенин. Беседует с ними. Задолго до закрытия кафе подружки встают, прощаются. Однако Сергей не спешит их провожать.

Галя Бениславская смотрится необыкновенно похорошевшей и вся светится счастьем. Даже глаза, зеленые, в густых ресницах — точно посветлели, стали совсем изумрудными и были неотрывно прикованы к лицу поэта. Гале кажется, что она победила, что Есенин постепенно станет ее. Они постоянно вместе, всей компанией. Гуляют, смеются, перепрыгивая через весенние лужи. Около книжной лавки

Шершеневича Сергей радостно глядя в глаза Гали, говорит Мариенгофу: "Толя, посмотри, – зеленые. Зеленые глаза". Несколько болезненная восторженность ее привлекает окружающих. Она чувствует себя победительницей в этом споре за Есенина. Наконец-то она сблизилась со своим кумиром. Окружающие любовались замечательной парой. Да и как не любоваться! Столько было преданной, чистой любви в глазах юной женщины!

"Где-то в глубине знала, – сумбурно писала Бениславская, – что теперь уже запомнилась ему. С этих пор пошли длинной вереницей бесконечно радостные встречи, то в лавке, то на вечерах, то в «Стойле». Я жила этими встречами — от одной до другой. Стихи его захватили меня не меньше, чем он сам. Потому каждый вечер был двойной радостью: и стихи, и он".

Но Сергею мало одной Гали. Он снова тянется к Наде, встречаясь на вечерах в компаниях, обнимает ее, тянется к ней с ласками. Но Надя замечает, простого человеческого счастья Сергей как раз и боится. Его страшило стать рабом своей страсти, он боялся стать рабом «Глупого счастья с белыми окнами в сад». "Для Пушкина, для Гете личная жизнь, – пишет пронизательная Вольпин, – какова она есть, составляла материал их поэзии. А для Есенина... Для него поэтический замысел подчиняет и самый ход его жизни. «Глупое счастье» заранее отвергнуто, изгоняется из поэзии... и из жизни: в творчестве «запрограммировано», сказали бы сегодня, иное — история, политика, законы естества — для Сергея Есенина подчинено требованиям его поэзии".

Действительно, в любовной жизни Сергей никак не может отдаться своему настоящему, искреннему чувству. Он боится быть искренним, страстным, влюбленным. На короткое время - да, но только не надолго. Любовь у Есенина всегда стоит на службе его невротических потребностей, а именно его потребности в славе, успехе, всеобщем признании его как поэта. В любовной жизни Есенина возникает то же рассогласование, что и в обычных отношениях с людьми. Он жаждет любви, у него существует огромная потребность в ней, чтобы ослабить свое напряжение и внутренний конфликт между "нежным" и "гордым Я". Но способность любить по зову сердца у Сергея уменьшается. Значимость для него любви и сексуальных связей вырастает из несексуальных источников. Есенин вступает в связь не потому, что ему очень уж нравятся и Надя Вольпин или Галя Бениславская. Ему просто нужен знак того, что его любят, ценят, хотят. В своих любовных связях он уменьшает мучающую

его тревогу и ощущает приятное удовлетворение своих претензий.

"Меня удивляло, – вспоминал И. Розанов, – что о женщинах Есенин отзывался большею частью несколько пренебрежительно.

— Обратите внимание,— сказал он мне,— что у меня почти совсем нет любовных мотивов... Моя лирика жива одной большой любовью — любовью к родине. Чувство родины — основное в моем творчестве".

И в тоже самое время ему приятно было ощутить себя Дон-Жуаном, радостно сосчитать в разговоре с приятелями о количестве своих побед. С трехсот женщин, Сергей постепенно под смех друзей опустился до десяти.

— Десять, пожалуй, было.

Отношения с влюбленными в него девушками приятно щекотали мужское самолюбие Сергея, однако любовные отношения с Галей привели к нежелательному скандалу и трагедии. Ее муж, молодой, высокий и стройный молодой человек со светлыми, аккуратно уложенными волосами, пришел объясняться к Есенину в "Стойло". Кинулся на него с бритвой и норовил резануть по лицу, по глазам! После схватки, из которой поэт вышел победителем, он выбежал из комнаты и крикнул через плечо Есенину — «Наш разговор не кончен!». Затем что-то добавил, прозвучавшее угрозой и захлопнул с размаху дверь. Однако Сергей оказался причиной не только разрыва отношений между Галей и ее мужем. Молодой человек, придя домой, не нашел ничего лучшего, как застрелиться.

"Эта смерть должна тесней связать с Есениным Галю, - пишет Вольпин. - Но страшней другое: что новым грузом войдет в его сознание помысел о самоубийстве. Помысел, угаданный мною с первых же дней зародившейся дружбы, когда Есенин чудился мне идущим по канату". Трудно сказать, что почувствовала сама Галя, и сумел ли Сергей убедить ее в ее невиновности. Только ожидала она своего счастья позабыв обо всем.

Пока Есенин уезжал за материалами для Пугачева на Волгу, а затем совершил путешествие в Туркестан, изменщик Мариенгоф встречается с актрисой Камерного театра Анной Никритиной. Анатолий впервые сильно влюбляется в женщину. Он постоянно провожает ее, любуется ее лицом, держит в своих руках холодеющие ладони Анны. Возвращаясь в "Стойло" и обнимая Есенина, Мариенгоф, по своим словам, "прятал глаза". Видимо, боялся, что Сергей узнает о его "измене". После того, как Есенин познакомился с избранницей своего друга, он окрестил ее Мартышкой или

Мартышон (Никритина играла в спектакле "Принцесса Брамбилла" роль Обезьяны.).

Как бы в пику влюбленному Анатолию Сергей поет частушки:

Ах, маргышечка-душа,
Собой не очень хороша.

Ревность чувствовалась в его словах и во всем поведении. После того как Мариенгоф и Никритина поженились, Есенин стало не по себе. В разговоре с Надей Вольпин о Никритиной молодая девушка *"расслышала и крик одиночества, и боль нарастающей смертной тоски"*. А знакомому своему поэту Э. Герману Есенин как-то сказал: "Завидовал, помню, идиллическому роману своего товарища по комнате:

— Все, видишь, с девочками, а я...

А во время разговора с Матвеем Ройзманом в "Стойле Пегаса" о причинах своего разлада с Зинаидой Райх, Сергей, сильно переживая, сначала, погрузнев, сказал: "Жизнь назад не попятишь!.."

А затем неожиданно закончил:

— Я женюсь на такой артистке, что все рот разинут!

Действительно, все окружающие разинули рты, когда Сергей Есенин стал любовником знаменитой танцовщицы Айседоры Дункан.